

**Доклад на конференции, Бар-Иланский ун-т:
«Скрытый смысл "Сказка о рыбаке и рыбке"
А.С. Пушкина. Варианты интерпретации»**

В культуре можно обнаружить и консервативные - статические и эволюционные – динамические тенденции.

1-ые обеспечивают определенную устойчивость культуры, что позволяет ей сохранять свои границы и ядро в относительно неизменном виде, 2-ые способствуют ее развитию.

Признаки прецедентного текста(ПТ)

1.Текст хорошо знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества.

2.Обращение к ПТ многократно возобновляется. ПТ(особенно художественный) наиболее устойчив в пространстве культуры. Он завершен, отлит в такую языковую форму, которая позволяет этому тексту быть наименее эволюционным в культурном пространстве и наиболее стабильным в человеческом сознании.

"Сказка" А.С. Пушкина.

Ее текст всем известен, прецедентная ситуация – остаться у разбитого корыта- жива, многократно употребляема и в быту, и в политике, и в семейной жизни. В то же время этот акт сознания – загадочная величина. Она эмоциональна, логична, приклеивается к ситуации как марка к конверту, без размышления:зачем? Ответ:так надо. Отсутствие рационального смыслового тормоза.

Прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентная фраза – весь этот прецедентный феномен, целиком закрепляясь в сознании, как бы цементируется, теряет гибкость, способность к переосмыслению.

Но когда этот текст приходит в диаспору, его восприятие обретает динамические тенденции. Он звучит по-новому, перестает быть прецедентным текстом, его нужно заново переосмысливать. Из зацементированной структуры сознания он превращается в гибкую структуру, требующую логического тормоза и вслед за ним - смысловой оценки. Тогда происходит конфликт культурных контекстов, и это имеет отношение к тому, что в науке зовется Межкультурной коммуникацией.

В качестве преамбулы я хотела бы привести слова Жака Деррида, сказанные им в Иерусалиме в 1996 г.(он был приглашен на конференцию Ин-том передовых исследований)

"Конечно, французский язык – мой родной, и я воспитан на французской культуре. Но родился я в Алжире и во Францию впервые попал в 19 лет. Я вырос в еврейском окружении в ситуации, которую можно назвать драматической... Мне кажется, что я был аутсайдером во французской культуре и говорил с позиции, которая мне не принадлежала. С этим, по-видимому, связана моя, так сказать экстерриториальность по отношению к различным текстам и традициям и по отношению к французскому культурному ландшафту".

Особое отношение к тексту вообще и к французскому культурному ландшафту, по-видимому, в конечном счете и привели Жака Деррида к деструктивизму, он объясняет это своим положением аутайдера во французской культуре.

Слова Ж. Деррида близки моей теме потому, что особое положение индивида в языке и культуре выявляет некоторую предрасположенность к особому взгляду на текст и к иной его интерпритации.

Прецедентные феномены (тексты, высказывания, ситуации, имена), во-первых, значимы для отдельной личности и, во-вторых, в то же время носят сверхличностный характер, т.е. хорошо известны широкому окружению этой личности, причем, включая ее предшественников и современников и, в-третьих, обращение к ним возобновляется в дискурсе данной языковой личности. («открытие Америки», «счастливые часов не наблюдают», «народ безмолвствует»; имя Иуды и поцелуй Иуды; шапка Мономаха и, наконец, остаться у разбитого корыта).

На родине языка **национальная картина мира** формируется из естественной погруженности в семиотическое пространство, из того, чем наполнен воздух, как озвучен мир, над чем смеются, на что обижаются и что легко прощается, что принимает душа, а чего - нет. Существует множество незримых, неслышных, неосознаваемых каналов включения носителя языка в русское семиотическое пространство. *"Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как **семиосферу**".* [9] (или концептосфера - термин Д.С.Лихачева), погружение происходит явно и неявно, осознанно и бессознательно на разных уровнях жизни.

Изучение русского языка и литературы на родине языка опирается на определенный семиотический опыт участников учебной коммуникации. Многие моменты быта и культуры не требуют особого разбора для носителя языка, они понятны

каждому русскоязычному, каждому *русскомыслящему* члену языкового коллектива, русской языковой личности.

Ю.Н. Караулов, которому принадлежит разработка понятия "языковая личность", говорит о существовании общерусского языкового типа.

В диаспоре язык страны исхода оторван от своей среды и культуры, и его изучение требует восстановления культурного контекста, вовлечения в семиотическое пространство и приобщения к таким понятиям, которые на родине языка являются само собой разумеющимися. Однозначное понимание высказываний вне единой семиосферы не только затруднительно, но и невозможно. *"Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка"* [8].

"Культура (и шире – картина жизни) предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязанных отрывков... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь."[7]

Соотнесенность "памяти текста" с "культурной памятью (традицией)" - это важный принцип восприятия прецедентного текста, механизм его понимания, который в диаспоре работает иначе, чем в метрополии, на других оборотах, на другом культурном контексте, в другой культурной традиции.

"В современной науке... текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации, он предстает как обладающий принципиальной множественностью, заключающий в себе несколько разных смыслов... Каждая культура может обладать собственными, отличными от других границами "поля" интерпретации текста, то восприятие текста, которое санкционируется одной культурой, оказывается неприемлемым для другой".[2] Это, в сущности, и есть диалогизм текста, заложенный в нем и раскрываемый читателем, существующим в определенной культуре.

Прецедентный текст, как нам представляется, подходящий объект для сопоставления восприятия этого текста носителями языка и русскоговорящими детьми диаспоры.

"Сказка о рыбаке и рыбке" А.С.Пушкина [14] неоднозначно воспринимается в России и в диаспоре, в то же время

диалогичность самого текста позволяет находить свой контекст, свое видение, которое подсказано жизнью в другом социуме, в новом культурном и бытовом окружении

. *"Сказку о рыбаке и рыбке" можно отнести к типу волшебных сказок. "Волшебные сказки выделяются не по признаку волшебности или чудесности..., а по совершенно четкой композиции, по своим структурным признакам, по своему, так сказать, синтаксису, который устанавливается научно совершенно точно. Единство композиции для так называемой волшебной сказки есть признак устойчивый, исторически закономерный и существенный. Выделение это как будто формальное. Однако при пристальном изучении окажется, что единство структуры соответствует единству всей поэтики волшебной сказки и единству выраженного в ней мира идей, эмоций, образов героев и языковых средств". [13]*

. *"Сказка о рыбаке и рыбке" (предшественница пушкинской сказки - померанская сказка о чудесах рыбы Камбалы) укладывается в структуру волшебной сказки как типа фольклора, который подготовил русское сознание и выработал общие критерии восприятия. Каноны народной сказки, нравственная и художественная стороны принимались Пушкиным с огромным уважением, в своих сказках он оставался "верен природе фольклора", а "собственный его метод – в том, чтобы не кромсать старые традиции и принципы, а на них и из них растить новые" [12]*

Фольклорные элементы легко ложатся на русскую языковую картину мира, но в диаспоре они чужеродны в большей или меньшей степени. И сегодня "Сказка о рыбаке и рыбке" своей близостью к народному творчеству воспринимается в соответствии с фольклорным каноном.[11] Но он не выработан у детей диаспоры, и у них отсутствует традиционная трактовка. Привычные фольклорные элементы и детали архаичного русского быта часто незнакомы русскоязычным детям или воспринимаются через опыт знакомства со сказками народов мира (русскими в их числе). Землянка, например, воспринимается не как "бедная избушка", а как пещера или как тип фронтальной землянки. Слово "землянка" не включает их в семиосферу быта старой крестьянской России. А корыто - предмет для многих незнакомый. Возникает необходимость рассказывать, как стирали в старину на Руси, как полоскали в речке белье, как ходили по воду, показать "журавль", которым доставали воду из колодца и т.д.

Реалии архаичного русского быта подменяются "ложной логикой", или, по выражению В.Я.Проппа, *"рационалистической трактовкой"*.

На вопрос, что у старика на ногах, сапоги, лапти или он босиком, дети отвечают: сапоги, ведь лапти он промочил бы у моря, а босиком холодно - действует привычная и сильная ассоциация: Россия – холод. Можно привести яркий пример подобной ассоциации и "ложной логики": известная и малым детям в России загадка "сто одежек, все без застежек", русскоязычными семиклассниками в Израиле отгадывается как "мороз, холод, зима".

Затушевывается сказочное начало, и "фантастическая трактовка" волшебной сказки также заменяется "рационалистической трактовкой" (В.Я.Пропп).

Так, море, наделенное в "Сказке о рыбаке и рыбке" сказочным даром реагировать на просьбы старика, обращенные к золотой рыбке, а может быть, главный источник чудесного в "Сказке", воспринимается русскоязычными детьми как реальное море, как Чёрное море или Белое море и даже как Средиземное, всё волшебство переносится в географически реальную или знакомую среду. При этом интерес к фантастической истории не слабеет, она не становится скучной, просто фантастика "приручается".

В России незнание отдельных слов и даже понятий не влияет на общее понимание "Сказки". В Израиле дети, свободно владеющие бытовой лексикой, спотыкаются на незнакомых словах, и незнание бытовых деталей прошлого, бытовой лексики и некоторых выражений "Сказки" является для них серьёзным препятствием при осмыслении текста.

Страноведческую лексику "Сказки" условно можно разделить на три словарных подраздела: одни слова требуют простого перевода, другие – объяснения, третьи – толкования. В одной учебной аудитории нужно объяснять такие слова, как *корыто, сварливая, ветхий, кликать, прясть пряжу, закинуть невод, крыльцо, конюшня, терем, палаты, чупрун и т.д.*; в другой – что такое *светелка, пряник печатный, парчовый, пуще, браниться* и т.д.; в третьей – *черная крестьянка, столбовая дворянка, бояре, дворяне, барыня-сударыня*. Работа с этой лексикой позволяет привлечь к уроку множество страноведческих деталей старинного русского быта.

Несомненно, пояснения нужны для таких выражений, как *"Ну, теперь твоя душенька довольна?"*; *"Не садись не в свои сани"*; *"Белены объелась"*. Необходима тренировка в употреблении этих выражений в разных коммуникативных ситуациях: как гневное восклицание и, может быть еще важнее, как ироничное или шутовское замечание. Работу можно проводить в парах или в тройках. Отметим, что это очень приятная для класса работа, и

употребляются эти выражения с большим энтузиазмом как на уроке, так и после занятий.

Текст "Сказки" дает широкие возможности для лексической работы. Например, с архаичными синонимами, которые часто встречаются в русских сказках, - *светелка* ("Сказка о рыбаке и рыбке") - *светлица* - *горница* - *грудница* (с примерами из других произведений Пушкина), или пояснения, касающиеся упоминаемых в сказке типов домов (землянка, изба, терем, царский дворец - палаты). *Терем* - высокое жилое здание, барский или боярский дом. *Палата* - великолепное здание, принадлежащее царю или вельможе. Но название *палата* в старину переносилось на "присутственное место", например, *казенная палата*, *палата гражданского суда*. Палатами стали называть и парламенты, выборные собрания. Другое значение слова "палата" - великолепное здание, где хранятся древности, оружие, например, ныне существующая *Оружейная палата*, или *Грановитая палата* - приемная великих князей, государей, где доньше проводятся особо торжественные встречи и церемонии. Текст "Сказки" дает большие возможности работы и с грамматическим материалом.

Однако страноведческая лексика относится скорее к категории действительности, а не сознания. Наибольшее внимание следует уделить культурологическому подходу к "смысловому пространству "Сказки" и "культурной традиции", к которой она принадлежит.

В. Пропп в "Морфологии сказки" говорит, что в волшебных сказках главное не сами действующие лица, а "функции" действующих лиц, их поступки, которые повторяются, являясь "вариациями одного архетипа". В "Сказке" два характера, два типа поведения - старика и старухи.

Не претендуя на исчерпывающий анализ восприятия "Сказки о рыбаке и рыбке" в диаспоре, всё же отметим несколько характерных "примет" иного восприятия "Сказки" в диаспоре.

Фольклорные элементы легко ложатся на русскую языковую картину мира, но в диаспоре они чужеродны в большей или меньшей степени. И сегодня "Сказка о рыбаке и рыбке" своей близостью к народному творчеству воспринимается в соответствии с фольклорным каноном.[11] Но он не выработан у детей диаспоры, и у них отсутствует традиционная трактовка. Привычные фольклорные элементы и детали архаичного русского быта часто незнакомы русскоязычным детям или воспринимаются через опыт знакомства со сказками народов мира (русскими в их числе). Землянка, например, воспринимается не как "бедная избушка", а как пещера или как тип фронтальной землянки. Слово "землянка" не включает их в

семиосферу быта старой крестьянской России. А корыто - предмет для многих незнакомый. Возникает необходимость рассказывать, как стирали в старину на Руси, как полоскали в речке белье, как ходили по воду, показать "журавль", которым доставали воду из колодца и т.д.

Реалии архаичного русского быта подменяются "ложной логикой", или, по выражению В.Я.Проппа, "*рационалистической трактовкой*".

На вопрос, что у старика на ногах, сапоги, лапти или он босиком, дети отвечают: сапоги, ведь лапти он промочил бы у моря, а босиком холодно - действует привычная и сильная ассоциация: Россия – холод. Можно привести яркий пример подобной ассоциации и "ложной логики": известная и малым детям в России загадка "сто одежек, все без застежек", русскоязычными семиклассниками в Израиле отгадывается как "мороз, холод, зима".

Затушевывается сказочное начало, и "фантастическая трактовка" волшебной сказки также заменяется "*рационалистической трактовкой*" (В.Я.Пропп).

В России незнание отдельных слов и даже понятий не влияет на общее понимание "Сказки". В Израиле дети, свободно владеющие бытовой лексикой, спотыкаются на незнакомых словах, и незнание бытовых деталей прошлого, бытовой лексики и некоторых выражений "Сказки" является для них серьёзным препятствием при осмыслении текста.

В одной учебной аудитории нужно объяснять такие слова, как *корыто, сварливая, ветхий, кликать, прядь пряжу, закинуть невод, крыльцо, конюшня, терем, палаты, чупрун и т.д.*; в другой – что такое *светелка, пряник печатный, парчовый, пуще, браниться* и т.д.; в третьей – *черная крестьянка, столбовая дворянка, бояре, дворяне, барыня-сударыня*. Работа с этой лексикой позволяет привлечь к уроку множество страноведческих деталей старинного русского быта.

название *палата* в старину переносилось на "присутственное место", например, *казенная палата, палата гражданского суда*. Палатами стали называть и парламенты, выборные собрания. Другое значение слова "палата" - великолепное здание, где хранятся древности, оружие, например, ныне существующая *Оружейная палата*, или *Грановитая палата* – приемная великих князей, государей, где доньше проводятся особо торжественные встречи и церемонии.

Страноведческая лексика относится скорее к категории действительности, а не сознания. Наибольшее внимание следует уделить культурологическому подходу к "смысловому

пространству "Сказки" и "культурной традиции", к которой она принадлежит.

В. Пропп в "Морфологии сказки" говорит, что в волшебных сказках главное не сами действующие лица, а "функции" действующих лиц, их поступки, которые повторяются, являясь "вариациями одного архетипа". В "Сказке" два характера, два типа поведения – старика и старухи.

Старуха обвиняет старика: "*Не умел ты взять выкупа с рыбки*" - это один тип поведения. Старик же "*не посмел взять выкупа с рыбки*" – это совершенно другой тип поведения. "Не посмел" – не от робости, он ведь еще и еще приходил к рыбке с просьбами, которые считал безумными. Но противиться старухе он не умеет.

Старуха в "Сказке" - это тип женщины алчной, злой, сварливой, эгоистичной, властной, такая она на протяжении всей сказки, и ее поведение по законам волшебной сказки требует наказания.

Ну, старуха алчная, злая, тут не может быть разночтений и в диаспоре, но вот старик воспринимается по-разному. "Старик – человек чистый, наивный, запросто общающийся с "великим чудом" – золотой рыбки он не боится, ни "столбовой дворянки", ни "грозной царицы", он боится... злой жены! Его рабство в своем начале – не социальное, а семейное, и он сам его построил" [12]. В русском восприятии старика "жалко", это тип христианского долготерпения, его нетребовательность, скромность и покорность вызывают в сердце русского чел-ка симпатию и сочувствие.

Иначе относятся к старику русскоязычные дети диаспоры. Его поведение в лучшем случае вызывает недоумение, непонимание: зачем он выполняет приказы старухи? Ведь он хозяин положения. Не случайно рыбка каждый раз спрашивает: "Чего тебе надобно, старче? На что старик отвечает: "Надобно ей новое корыто..." Его неспособность подумать о себе непонятна. Потом он ведь добровольно служит злу, а мог бы творить добро. Отсутствие личностного, волевого начала досадно. И следует вывод: старик не борец, не герой, слабак по жизни(и при чем здесь сказка?). Он разочаровывает, вызывает досаду. Вместо героя – бедный старый дурень(как назвал его Достоевский, впрочем, любя). И прецедентная фраза "остаться у разбитого корыта" теперь уже в большей степени относится к старику, кот-ый проиграл значительно больше, чем старуха.

РЯ-ые дети как бы покидают поле сказки, отбрасывают (нарушают) правила игры, а эти правила, оказывается, держали нас в обаянии перед фигурой старика. Почему мы его жалели?

Чему симпатизировали? Что это -загадка русской души, непонятной Западу?

А.Д. Шмелев рассматривает ключевые идеи русской языковой картины мира (совокупность представлений об устройстве мира говорящими на РЯ воспринимаются как само собой разумеющиеся). Таким образом, выявляются некоторые существенные особенности рус. к-ры. Рассматривая общие жизненные установки рус. чел-ка, Шмелев выделяет концепт "смирение" и отмечает, что для рус. яз-ой картины мира чрезвычайно характерна установка на "примирение с действительностью". Об этой же установке говорит и Солженицын: "Иногда эта установка даже хар-стся как "беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, - вызывающая изумление и презрение всего мира". (Солженицын). И Шмелев считает, что "примирение с действительностью в самом деле может рассматриваться в рус. яз-ой картине мира как идеал. (А.Д.Шмелев, Рус.яз-ая модель мира. Материалы к Словарю.Яз-ки славянской к-ры, М.,2002, с.99 – 100)

Хотя "Сказка о рыбаке и рыбке" – волшебная сказка, однако, как бы и не в полную силу волшебная. Нет в ней сказочных злодеев, а путь, который проделывает в сказке старик, короткий – от дома до моря и назад, к новому дому старухи, добытому с помощью золотой рыбки: "*Вот пошел он к синему морю...*" - "*Воротился старик ко старухе..*"; пошел к морю – воротился, пошел к морю – воротился. В "Сказке о рыбаке и рыбке" нет широкого пространства, не идет герой сказки, как обычно в волшебных сказках, за тридевять земель, за тридевятое царство, за тридесятое государство, не отправляется он ни за синее море, ни за высокие горы. Старик, в отличие от старухи, одержимый корыстью и стяжательством, бескорыстен, ничего для себя не просит. Его движение в сказке подобно маятнику. И в конце сказки маятник возвращается к началу и останавливается, как будто и не было чуда. Таким образом "*Пушкин предельно сужает сферу зла*", заключая его в узкий семейный круг. И в этой сфере царит не сказочная Баба - Яга, а просто "баба". Волшебная сила сказки как бы снижается. Злая баба, или бабство, – вот зло, и не только в этой сказке: "*Гости умные молчат: Спорить с бабой не хотят...*" ("Сказка о царе Салтане"); "*Что мне делать с проклятою бабой*" ("Сказка о рыбаке и рыбке"); "*Черт ли сладит с бабой гневной...*" (Сказка о мертвой царевне...). В бабстве заключено зло, в женственности – добро. В некоторых сказках злу бабства Пушкин противопоставляет женственность: это Царевна Лебедь, Царица-мать, Царевна. В "Сказке о рыбаке и рыбке" ничто не

противостоит старухе, и все-таки **антиженственность** – бабство не торжествует, старуха "остается у разбитого корыта". Так рождается ситуация на все времена - "остаться у разбитого корыта".

"Сказка о рыбаке и рыбке" – почти притча, ближе к притче, чем все остальные сказки Пушкина. А притча требует толкования.

У русскоязычных детей в Израиле есть некоторый опыт толкования - постоянное чтение на уроках Танаха, библейских текстов, знакомство с легендами, притчами дает такой опыт. Готовность к толкованию действует и здесь, и "Сказка о рыбаке и рыбке" воспринимается именно как притча. Можно выделить несколько толкований, высказанных детьми. Они сводятся к следующему:

Толкование первое.

"Остаться у разбитого корыта" – итог алчности, жадности, эгоизма старухи, с одной стороны, но и слабости характера, покорности, безволия старика, с другой стороны, итог сказки воспринят не только как торжество справедливости по отношению к старухе - "поделом тебе!", но отчасти и к старику – не сумел воспользоваться чудом, не послужил доброму делу, а ведь чудо было в его руках, ему было дано. Старика жаль, но он не герой. Нет в "Сказке о рыбаке и рыбке" истинного героя, а нет победителя, нет и торжества добра над злом.

Вероятно, убедительная сила "Сказки", более жизненная, чем волшебная, движет поисками другого смысла. Тогда приходит другое толкование, и об этом стоит сказать подробнее.

Толкование второе.

Слово "дом" многозначно и имеет три основных значения: а) дом – строение; б) дом - место, собирающее людей по специальному назначению и в) дом - место обитания, где друг о друге заботятся, любят, где живет семья и где складываются особые человеческие отношения с определенными социальными, культурными, национальными традициями.

Последнее из упомянутых значений слова "дом" сложилось в течение многих веков и в каждом народе по-своему. В нем кроется духовный смысл, и оно принадлежит национальной культуре.

Сюжет сказки ведет нас от одного требования старухи к другому, за которым следуют все более и более богатый дом, все более богатая одежда и все более изысканная еда. Жилище, одежда, еда, а также слуги, стража относятся к внешней стороне Дома, не они составляют духовную сторону Дома. В "Сказке", таким образом, разнообразно представлена лишь одна

сторона Дома – внешняя. Где же внутренняя сторона Дома? О ней не сказано прямо, она не выражена вербально, но она присутствует в виде скрытого смысла, его можно угадать за конечным результатом – *"остаться у разбитого корыта"*, он и раскрывает причину фиаско. *Почему старуха осталась у разбитого корыта?* Ведь не только из-за своей алчности, властолюбия. Старуха не создала Дома - ни в землянке, ни в избе, ни в тереме, ни в царских палатах, настоящего доброго дома, где проявляют заботу о ближнем, где приветливо встречают и где можно найти утешение и сочувствие, в "Сказке" нет. Старуха не представляет собой тип *Хозяйки, хранительницы домашнего очага*. Тогда вопросы: Чего добивалась старуха? Какие дома она получала с помощью золотой рыбки? - отодвигаются и возникает один единственный вопрос: *Какой дом старуха так и не создала?*

Таким образом, контекст смещается в сторону Дома, и чем богаче дома, которые появляются в "Сказке", тем убедительней становится скрытый смысл "Сказки": **если нет Хозяйки, источника добра, света, тепла и женственности, нет и Дома, и по своей истинной сути это антидом.**

В "Сказке о рыбаке и рыбке" нет созидательной женской силы, нет Хозяйки, которая способна преобразовать самую убогую постройку в Дом, а нет Хозяйки, нет и Дома, только внешняя его сторона, какой бы она ни была. Вот почему в "Сказке о рыбаке и рыбке", в отличие от других сказок Пушкина, нет домашней жизни. Есть одна-единственная принадлежность простого человеческого жилья – *разбитое корыто*. Эпитет *разбитое* очень характерен – не ветхое, как землянка, не старое, а *разбитое*. Этот эпитет применим не только к материальным вещам, но и к духовным явлениям, например, к неудачной семейной жизни, что, возможно, подсознательно, глубинно, кроется в этом эпитете.

Дом имеет две стороны: *Дом* обращен во внешний мир, что в "Сказке" отражено разными типами строений, внешним видом дома (землянка, изба, терем, царские палаты) и что имеет отношение к материальной культуре; и *Дом*, обращенный во внутренний мир, – это мир его обитателей, их отношения, духовная сторона Дома. Жилье человеческое, в отличие от звериной норы, берлоги, пещеры, имеет свое, "человеческое" достоинство, оно **возвышается** над землей. Старик со старухой жили в землянке (обычно это временное жилище), да еще и *ветхой* - эпитет, довершающий убогость жилья, **ниже некуда**. Это не нормальный человеческий дом, это подмена, это временка.

Изба со светелкой, которую вначале получила старуха от золотой рыбки, - жилище, которое возвышается над землей, достойное жилище, не в пример землянке. Терем – это уже высокое строение, ну а царские палаты – это дворец, еще выше, строение еще более высокого ранга, **выше некуда**. Но это возвышение никак не затрагивает духовную сторону Дома, не сказывается на облике и поведении хозяйки этих домов. В "Сказке" нет внутренней жизни, нет нормальных семейных отношений, их и быть не может, а отношение старухи к старику – грубость, брань, приказы, хотя именно старик обращается к рыбке, значит, и от него зависит исполнение желаний - приказов.

А как же Пушкин мыслил тему дома, тему хозяйки? Он выстраивает крайнюю ситуацию, в которой ни жена, ни муж не функционируют как одна семья. Поэтому семьи нет, дома нет и сказочный сюжет почти бесполезен.

"Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление "дома" (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства), антидому... В поэзии Пушкина второй половины 1820-х – 1830-х гг. тема Дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и "самостояньи человека". [10]

В диаспоре израильские РЯ-ые дети стали аутсайдерами по отношению к русск. к-ре. Они свободны в толковании самых традиционных, самых консервативных форм.

Они смещают смысловые акценты "СКАЗКИ".

Они по-своему трактуют героев.

Они лишают прецедентный текст его незыблемости.

И это результат реального конфликта культурных контекстов.

И это в то же время мощное средство осмысления жизненных ситуаций.

Понятие *Дом* берет начало в самом раннем нашем детстве - это восприятие окружающего мира всеми органами чувств. Большая работа происходит в детском сознании: идет вычленение отдельных предметов и лиц, узнавание, осознание себя и своей принадлежности к особому миру, отделенному от остального. На этом этапе некоторые особенности Дома осознаются, но не на уровне культуры.

Понятие *дом* имеет не только бытовое значение. Оно насыщено духовным, культурным смыслом. *Дом – один из важнейших концептов человеческого сознания*, включающий в себя и языковое и внеязыковое – социальное, историческое, психологическое, культурное – содержание.

По образному и точному определению Ю.С.Степанова, концепт – это *"сгусток культуры в сознании человека, отраженный в слове"*.

В русском сознании концепт *дом* начинается с веселой сказки "Теремок", которая выстраивает в детском мироощущении понятие гостеприимства дома, с английской сказки "Три поросенка", из которой выносится на всю жизнь известная максима "мой дом – моя крепость". И еще фразеологизм – *"нам не страшен серый волк"*. Можно спрятаться под навес от дождя, закрыться капюшоном от ветра, оказаться на защищенной от чего угодно территории, и фраза *"нам не страшен серый волк"* также, как *"мой дом – моя крепость"*, будет понятна ребенку. Эти фразы имеют широкий ситуативно-тематический диапазон. Для русскоязычных детей диаспоры важно не только понимание смысла, но и умение употреблять выражения в разных ситуациях, передавать с их помощью чувство уверенности, защищенности, независимости.

Фольклорные образы и понятия (английских, немецких и русских сказок) закладывают фундамент языковой картины мира. Мы выносим из нашего раннего детства представление о том, что хороший дом – это прежде всего дом добротный, защищенный, гостеприимный, теплый, уютный, в котором тебя окружают близкие люди.

"Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление "дома" (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства), антидому... В поэзии Пушкина второй половины 1820-х – 1830-х гг. тема Дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и "самостояньи человека". [10]

Хорошо известный теперь русский фразеологизм имеет широкий ситуативно - тематический контекст. Он может быть использован в разных ситуациях как итог поведения человека эгоистичного, излишне переборчивого, капризного. Его должны освоить учащиеся, пользоваться им в разных ситуациях и понять вместо долгих разъяснений, если кто-то скажет об итоге чьих-то действий, что тот остался у разбитого корыта.

В диаспоре "Сказка о рыбаке и рыбке" звучит и мыслится иначе. У неё выявляются другие культурные акценты. Прецедентная фраза и прецедентная ситуация не закреплены за

языковым сознанием, и работа над сказкой идет в двух направлениях: в сторону прецедентного феномена (фразы, ситуации) и в сторону раскрытия смысла, связанного с концептом *дом*.

Колчинская Е.В.

**"Сказка о рыбаке и рыбке" А.С. Пушкина : взгляд из
диаспоры**

Данная статья имеет две основные цели.

Во-первых, привлечь внимание русистов к проблеме *сохранения и развития родного языка в диаспоре*, к новым методическим принципам, поскольку в условиях диаспоры методики РКИ не способствуют сохранению родного языка.

Во-вторых, показать, как прецедентный для носителя языка текст интерпретируется в диаспоре, как сопричастность с картиной мира другой культуры открывает новые возможности видения и как культурологический подход помогает обнаружить тот смысловой слой в тексте, который близок русскоязычным детям диаспоры, и через собственное осмысление знакомого большинству носителей языка текста приблизиться к русской языковой картине мира.

В своё время рождение нового направления в преподавании иностранных языков, названного интенсивным, ставило своей задачей обучение иноязычному общению. Интенсивное обучение касалось прежде всего начальных, самых трудных этапов обучения иностранному языку и, с точки зрения психологии, самых проблематичных. Методы интенсивного обучения были направлены в широком смысле на *Диалог – Общение*, на решение проблемы *межязыковой коммуникации*. [3;4] Но **проблем межкультурной коммуникации - Диалога культур** эти методы не решали. В настоящее время обучение иностранному языку на уровне, обеспечивающем многогранное общение инофона с носителем языка, должно решать задачу **Диалога Культур**.

"Идея диалога культур, - как подчеркивает философ и культуролог В.С.Библер,- подразумевает определенную логику самого понятия "диалог". Потому что иначе слово "диалог" само окажется просто суммарным описанием взаимодействия, соотношения, сравнения, сопоставления культур". [1] **Диалог Культур** основан на диалоге логик, на разных точках отсчета при восприятии одного и того же *Текста*.

Обучение родному языку в диаспоре обращено к проблеме *Диалог Культур*. У русскоязычных детей диаспоры *Диалог – Общение* изначально решен, так как они обычно легко справляются с бытовым разговорным языком, привезенным из страны исхода или приобретенным в домашнем общении уже в диаспоре. Но язык, потерявший связь с культурой, каков он и есть у детей диаспоры, теряет богатство и многообразие, присущие родному языку, и плохо поддается развитию. [5,6]

Парадокс русскоговорящих детей в Израиле состоит в том, что, считая русский язык родным, владея свободно бытовой лексикой и базовыми моделями разговорного языка, общаться по-русски на любую тему дети затрудняются. Даже уровень бытового общения у них постепенно снижается, так как вытесняется доминантным языком страны проживания. Условием сохранения и развития родного языка в диаспоре (в данном конкретном варианте – русского в Израиле), является *восстановление культурного контекста родного языка*, а это требует особых форм обучения и новых, соответствующих задачам, методических принципов.

На родине языка *национальная картина мира* формируется из естественной погруженности в семиотическое пространство, из того, чем наполнен воздух, как озвучен мир, над чем смеются, на что обижаются и что легко прощается, что принимает душа, а чего - нет. Существует множество незримых, неслышных, неосознаваемых каналов включения носителя языка в русское семиотическое пространство. *"Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу"*. [9] Погружение в концептосферу (термин Д.С.Лихачева), или в семиосферу (термин Ю.М.Лотмана) (оба термина хороши, трудно отдать предпочтение одному из них), происходит явно и неявно, осознанно и бессознательно на разных уровнях жизни.

Изучение русского языка и литературы на родине языка опирается на определенный семиотический опыт участников учебной коммуникации. Многие моменты быта и культуры не требуют особого разбора для носителя языка, они понятны каждому русскоязычному, каждому *русскомыслящему* члену языкового коллектива, русской языковой личности.

В диаспоре, когда язык оторван от своей среды и культуры, его изучение требует целенаправленного восстановления культурного контекста, вовлечения в семиотическое пространство путем объяснений и специальной работы над концептами и такими понятиями, которые на родине языка

являются само собой разумеющимися. Однозначное понимание высказываний вне единой семиосферы не только затруднительно, но и невозможно. *"Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка"* [8]. Реальность функционирования языка за пределами его истоков неумолимо подтверждает истинность этого высказывания. Однако выявление различий культур дает надежду преуспеть в попытках сохранить в следующих поколениях родной язык в диаспоре. Необходимо особое внимание к языковой картине мира, раскрытие культурного концепта в качестве специальной задачи языкового урока, культурологический подход к выбору обсуждаемой на занятии проблемы и соответствующего этой проблеме текста - такова методическая направленность обучения в поисках путей **сохранения родного языка в диаспоре** (в нашем варианте русского, но в принципе - любого).

"Культура (и шире – картина жизни) предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах. Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязанных отрывков... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь."[7]

Соотнесенность "памяти текста" с "культурной памятью (традицией)" - это важный принцип восприятия прецедентного текста, механизм его понимания, который в диаспоре работает иначе, чем в метрополии, на других оборотах, на другом культурном контексте, в другой культурной традиции.

"В современной науке... текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации, он предстает как обладающий принципиальной множественностью, заключающий в себе несколько разных смыслов... Каждая культура может обладать собственными, отличными от других границами "поля" интерпретации текста, то восприятие текста, которое санкционируется одной культурой, оказывается неприемлемым для другой".[2] Это, в сущности, и есть диалогизм текста, заложенный в нем и раскрываемый читателем, существующим в определенной культуре.

Прецедентный текст, как нам представляется, подходящий объект для сопоставления восприятия этого текста носителями языка и русскоговорящими детьми диаспоры.

"Сказка о рыбаке и рыбке" А.С.Пушкина [14] неоднозначно воспринимается в России и в диаспоре, в то же время диалогичность самого текста позволяет находить свой контекст, свое видение, которое подсказано жизнью в другом социуме, в новом культурным и бытовым окружении.

"Сказка о рыбаке и рыбке" А.С.Пушкина

Тридцать лет и три года жили старик со старухой. Бедно жили. Дом у них был плохонький - землянка, а не дом. Старик ловил неводом рыбу, старуха пряла свою пряжу. И было у них разбитое корыто. Это быт, и нет тут сказки. Но случилось чудо: попалась в сети старика золотая рыбка. И начинается волшебная сказка. *"Сказку о рыбаке и рыбке" можно отнести к типу волшебных сказок. "Слово "волшебные" есть чисто условное обозначение этого вида сказок, так как волшебным характером могут обладать и другие виды их, где также действуют фантастические персонажи... и происходят невозможные в жизни события. Волшебные сказки выделяются не по признаку волшебности или чудесности..., а по совершенно четкой композиции, по своим структурным признакам, по своему, так сказать, синтаксису, который устанавливается научно совершенно точно. Единство композиции для так называемой волшебной сказки есть признак устойчивый, исторически закономерный и существенный. Выделение это как будто формальное. Однако при пристальном изучении окажется, что единство структуры соответствует единству всей поэтики волшебной сказки и единству выраженного в ней мира идей, эмоций, образов героев и языковых средств".* [13]

. *"Сказка о рыбаке и рыбке" (предшественница пушкинской сказки - померанская сказка о чудесах рыбы Камбалы) укладывается в структуру волшебной сказки как типа фольклора, который подготовил русское сознание и выработал общие критерии восприятия. Каноны народной сказки, нравственная и художественная стороны принимались Пушкиным с огромным уважением, в своих сказках он оставался "верен природе фольклора", а "собственный его метод – в том, чтобы не кромсать старые традиции и принципы, а на них и из них растить новые" [12]*

Не претендуя на исчерпывающий анализ восприятия "Сказки о рыбаке и рыбке" в диаспоре, всё же отметим несколько характерных "примет" иного восприятия "Сказки" в диаспоре.

Фольклорные элементы легко ложатся на русскую языковую картину мира, но в диаспоре они чужеродны в большей или меньшей степени. И сегодня "Сказка о рыбаке и рыбке" своей близостью к народному творчеству воспринимается в

соответствии с фольклорным каноном.[11] Но он не выработан у детей диаспоры, и у них отсутствует традиционная трактовка. Привычные фольклорные элементы и детали архаичного русского быта часто незнакомы русскоязычным детям или воспринимаются через опыт знакомства со сказками народов мира (русскими в их числе). Землянка, например, воспринимается не как "бедная избушка", а как пещера или как тип фронтовой землянки. Слово "землянка" не включает их в семиосферу быта старой крестьянской России. А корыто - предмет для многих незнакомый. Возникает необходимость рассказывать, как стирали в старину на Руси, как полоскали в речке белье, как ходили по воду, показать "журавль", которым доставали воду из колодца и т.д.

Реалии архаичного русского быта подменяются "ложной логикой", или, по выражению В.Я.Проппа, "*рационалистической трактовкой*".

На вопрос, что у старика на ногах, сапоги, лапти или он босиком, дети отвечают: сапоги, ведь лапти он промочил бы у моря, а босиком холодно - действует привычная и сильная ассоциация: Россия – холод. Можно привести яркий пример подобной ассоциации и "ложной логики": известная и малым детям в России загадка "сто одежек, все без застежек", русскоязычными семиклассниками в Израиле отгадывается как "мороз, холод, зима".

Затушевывается сказочное начало, и "фантастическая трактовка" волшебной сказки также заменяется "*рационалистической трактовкой*" (В.Я.Пропп).

Так, море, наделенное в "Сказке о рыбаке и рыбке" сказочным даром реагировать на просьбы старика, обращенные к золотой рыбке, а может быть, главный источник чудесного в "Сказке", воспринимается русскоязычными детьми как реальное море, как Чёрное море или Белое море и даже как Средиземное, всё волшебство переносится в географически реальную или знакомую среду. При этом интерес к фантастической истории не слабеет, она не становится скучной, просто фантастика "приручается".

В России незнание отдельных слов и даже понятий не влияет на общее понимание "Сказки". В Израиле дети, свободно владеющие бытовой лексикой, спотыкаются на незнакомых словах, и незнание бытовых деталей прошлого, бытовой лексики и некоторых выражений "Сказки" является для них серьёзным препятствием при осмыслении текста.

Страноведческую лексику "Сказки" условно можно разделить на три словарных подраздела: одни слова требуют простого перевода, другие – объяснения, третьи – толкования. В одной

учебной аудитории нужно объяснять такие слова, как *корыто*, *сварливая*, *ветхий*, *кликать*, *прясть пряжу*, *закинуть невод*, *крыльцо*, *конюшня*, *терем*, *палаты*, *чупрун* и т.д.; в другой – что такое *светелка*, *пряник печатный*, *парчовый*, *пуще*, *браниться* и т.д.; в третьей – *черная крестьянка*, *столбовая дворянка*, *бояре*, *дворяне*, *барыня-сударыня*. Работа с этой лексикой позволяет привлечь к уроку множество страноведческих деталей старинного русского быта.

Несомненно, пояснения нужны для таких выражений, как "*Ну, теперь твоя душенька довольна?*"; "*Не садись не в свои сани*"; "*Белены объелась*". Необходима тренировка в употреблении этих выражений в разных коммуникативных ситуациях: как гневное восклицание и, может быть еще важнее, как ироничное или шутливое замечание. Работу можно проводить в парах или в тройках. Отметим, что это очень приятная для класса работа, и употребляются эти выражения с большим энтузиазмом как на уроке, так и после занятий. Текст "Сказки" предоставляет широкие возможности для лексической работы. Например, с архаичными синонимами, которые часто встречаются в русских сказках, - *светелка* ("Сказка о рыбаке и рыбке") – *светлица* – *горница* – *грудница* (с примерами из других произведений Пушкина), или пояснения, касающиеся упоминаемых в сказке типов домов (землянка, изба, терем, царский дворец - палаты). *Терем* – высокое жилое здание, барский или боярский дом. *Палата* – великолепное здание, принадлежащее царю или вельможе. Но название *палата* в старину переносилось на "присутственное место", например, *казенная палата*, *палата гражданского суда*. Палатами стали называть и парламенты, выборные собрания. Другое значение слова "палата" - великолепное здание, где хранятся древности, оружие, например, ныне существующая *Оружейная палата*, или *Грановитая палата* – приемная великих князей, государей, где доньше проводятся особо торжественные встречи и церемонии. Текст "Сказки" дает большие возможности работы и с грамматическим материалом.

Однако ни грамматическая работа, ни страноведческая в специальных методических рекомендациях не нуждаются. Насколько полно, на каком уровне и на какую глубину раскрывать смысл слова или выражения, зависит от конкретной цели или от аудитории. Страноведческая лексика относится скорее к категории действительности, а не сознания. Наибольшее внимание следует уделить культурологическому подходу к "смысловому пространству "Сказки" и "культурной традиции", к которой она принадлежит.

В. Пропп в "Морфологии сказки" говорит, что в волшебных сказках главное не сами действующие лица, а "функции" действующих лиц, их поступки, которые повторяются, являясь "вариациями одного архетипа". В "Сказке" два характера, два типа поведения – старика и старухи.

Старуха обвиняет старика: "*Не умел ты взять выкупа с рыбки*" - это один тип поведения. Старик же "*не посмел взять выкупа с рыбки*" – это совершенно другой тип поведения. "Не посмел" – не от робости, он ведь еще и еще приходил к рыбке с просьбами, которые считал безумными. Но противиться старухе он не умеет.

Старуха в "Сказке" - это тип женщины алчной, злой, сварливой, эгоистичной, властной, такая она на протяжении всей сказки, и ее поведение по законам волшебной сказки требует наказания.

Ну, старуха алчная, злая, тут не может быть разночтений и в диаспоре, но вот старик воспринимается по-разному. "Старик – человек чистый, наивный, запросто общающийся с "великим чудом" – золотой рыбки он не боится, ни "столбовой дворянки", ни "грозной царицы", он боится... злой жены! Его рабство в своем начале – не социальное, а семейное, и он сам его построил" [12]. В русском восприятии старика "жалко", это тип христианского долготерпения, его нетребовательность, скромность и покорность вызывают симпатию и сочувствие. У русскоязычных детей его поведение вызывает недоумение: зачем он выполняет приказы старухи? Ведь он хозяин положения. Зачем добровольно служит злу? В нем не видят личностного, волевого начала, а его неспособность подумать о себе непонятна. И следует вывод: старик не борец, не герой.

Хотя "Сказка о рыбаке и рыбке" – волшебная сказка, однако, как бы и не в полную силу волшебная. Нет в ней сказочных злодеев, а путь, который проделывает в сказке старик, короткий – от дома до моря и назад, к новому дому старухи, добытому с помощью золотой рыбки: "*Вот пошел он к синему морю...*" - "*Воротился старик ко старухе..*"; пошел к морю – воротился, пошел к морю – воротился. В "Сказке о рыбаке и рыбке" нет широкого пространства, не идет герой сказки, как обычно в волшебных сказках, за тридевять земель, за тридевятое царство, за тридесятое государство, не отправляется он ни за синее море, ни за высокие горы. Старик, в отличие от старухи, одержимой корыстью и стяжательством, бескорыстен, ничего для себя не просит. Его движение в сказке подобно маятнику. И в конце сказки маятник возвращается к началу и останавливается, как будто и не было чуда. Таким образом "*Пушкин предельно сужает сферу зла*", заключая его в узкий семейный круг. И в

этой сфере царит не сказочная Баба - Яга, а просто "баба". Волшебная сила сказки как бы снижается. Злая баба, или бабство, – вот зло, и не только в этой сказке: "*Гости умные молчат: Спорить с бабой не хотят...*" ("Сказка о царе Салтане"); "*Что мне делать с проклятою бабой*" ("Сказка о рыбаке и рыбке"); "*Черт ли сладит с бабой гневной...*" (Сказка о мертвой царевне...). В бабстве заключено зло, в женственности – добро. В некоторых сказках злу бабства Пушкин противопоставляет женственность: это Царевна Лебедь, Царица-мать, Царевна. В "Сказке о рыбаке и рыбке" ничто не противостоит старухе, и все-таки **антиженственность** – бабство не торжествует, старуха "*остается у разбитого корыта*". Так рождается ситуация на все времена - "*остаться у разбитого корыта*".

"Сказка о рыбаке и рыбке" – почти притча, ближе к притче, чем все остальные сказки Пушкина. А притча требует толкования.

У русскоязычных детей в Израиле есть некоторый опыт толкования - постоянное чтение на уроках Танаха, библейских текстов, знакомство с легендами, притчами дает такой опыт. Готовность к толкованию действует и здесь, и "Сказка о рыбаке и рыбке" воспринимается именно как притча. Можно выделить несколько толкований, высказанных детьми. Они сводятся к следующему:

Толкование первое.

"Остаться у разбитого корыта" – итог алчности, жадности, эгоизма старухи, с одной стороны, но и слабости характера, покорности, безволия старика, с другой стороны, итог сказки воспринят не только как торжество справедливости по отношению к старухе - "поделом тебе!", но отчасти и к старику – не сумел воспользоваться чудом, не послужил доброму делу, а ведь чудо было в его руках, ему было дано. Старика жаль, но он не герой. Нет в "Сказке о рыбаке и рыбке" истинного героя, а нет победителя, нет и торжества добра над злом.

Вероятно, убедительная сила "Сказки", более жизненная, чем волшебная, движет поисками другого смысла. Тогда приходит другое толкование, и об этом стоит сказать подробнее.

Толкование второе.

Слово "дом" многозначно и имеет три основных значения: а) дом – строение; б) дом - место, собирающее людей по специальному назначению и в) дом - место обитания, где друг о друге заботятся, любят, где живет семья и где складываются особые человеческие отношения с определенными социальными, культурными, национальными традициями.

Последнее из упомянутых значений слова "дом" сложилось в течение многих веков и в каждом народе по-своему. В нем кроется духовный смысл, и оно принадлежит национальной культуре.

Сюжет сказки ведет нас от одного требования старухи к другому, за которым следуют все более и более богатый дом, все более богатая одежда и все более изысканная еда. Жилище, одежда, еда, а также слуги, стража относятся к внешней стороне Дома, не они составляют духовную сторону Дома. В "Сказке", таким образом, разнообразно представлена лишь одна сторона Дома – внешняя. Где же внутренняя сторона Дома? О ней не сказано прямо, она не выражена вербально, но она присутствует в виде скрытого смысла, его можно угадать за конечным результатом – *"остаться у разбитого корыта"*, он и раскрывает причину фиаско. *Почему* старуха осталась у разбитого корыта? Ведь не только из-за своей алчности, властолюбия. Старуха не создала Дома - ни в землянке, ни в избе, ни в тереме, ни в царских палатах, настоящего доброго дома, где проявляют заботу о ближнем, где приветливо встречают и где можно найти утешение и сочувствие, в "Сказке" нет. Старуха не представляет собой тип *Хозяйки, хранительницы домашнего очага*. Тогда вопросы: Чего добивалась старуха? Какие дома она получала с помощью золотой рыбки? - отодвигаются и возникает один единственный вопрос: *Какой дом старуха так и не создала?*

Таким образом, контекст смещается в сторону Дома, и чем богаче дома, которые появляются в "Сказке", тем убедительней становится скрытый смысл "Сказки": **если нет Хозяйки, источника добра, света, тепла и женственности, нет и Дома, и по своей истинной сути это антидом.**

В "Сказке о рыбаке и рыбке" нет созидательной женской силы, нет Хозяйки, которая способна преобразовать самую убогую постройку в Дом, а нет Хозяйки, нет и Дома, только внешняя его сторона, какой бы она ни была. Вот почему в "Сказке о рыбаке и рыбке", в отличие от других сказок Пушкина, нет домашней жизни. Есть одна-единственная принадлежность простого человеческого жилья – *разбитое корыто*. Эпитет *разбитое* очень характерен – не ветхое, как землянка, не старое, а *разбитое*. Этот эпитет применим не только к материальным вещам, но и к духовным явлениям, например, к неудачной семейной жизни, что, возможно, подсознательно, глубинно, кроется в этом эпитете.

Дом имеет две стороны: *Дом* обращен во внешний мир, что в "Сказке" отражено разными типами строений, внешним видом дома (землянка, изба, терем, царские палаты) и что имеет

отношение к материальной культуре; и *Дом*, обращенный во внутренний мир, – это мир его обитателей, их отношения, духовная сторона Дома. Жилье человеческое, в отличие от звериной норы, берлоги, пещеры, имеет свое, "человеческое" достоинство, оно **возвышается** над землей. Старик со старухой жили в землянке (обычно это временное жилище), да еще и *ветхой* - эпитет, довершающий убогость жилья, **ниже некуда**. Это не нормальный человеческий дом, это подмена, это временка.

Изба со светелкой, которую вначале получила старуха от золотой рыбки, - жилище, которое возвышается над землей, достойное жилище, не в пример землянке. Терем – это уже высокое строение, ну а царские палаты – это дворец, еще выше, строение еще более высокого ранга, **выше некуда**. Но это возвышение никак не затрагивает духовную сторону Дома, не сказывается на облике и поведении хозяйки этих домов. В "Сказке" нет внутренней жизни, нет семейных отношений, а отношение старухи к старику – грубость, брань, приказы, хотя именно старик обращается к рыбке, значит, и от него зависит исполнение желаний - приказов.

Понятие *Дом* берет начало в самом раннем нашем детстве - это восприятие окружающего мира всеми органами чувств. Большая работа происходит в детском сознании: идет вычленение отдельных предметов и лиц, узнавание, осознание себя и своей принадлежности к особому миру, отделенному от остального. На этом этапе некоторые особенности Дома осознаются, но не на уровне культуры.

Понятие *дом* имеет не только бытовое значение. Оно насыщено духовным, культурным смыслом. *Дом – один из важнейших концептов человеческого сознания*, включающий в себя и языковое и внеязыковое – социальное, историческое, психологическое, культурное – содержание. По образному и точному определению Ю.С.Степанова, концепт – это "*сгусток культуры в сознании человека, отраженный в слове*".

В русском сознании концепт *дом* начинается с веселой сказки "Теремок", которая выстраивает в детском мироощущении понятие гостеприимства дома, с английской сказки "Три поросенка", из которой выносятся на всю жизнь известная максима "мой дом – моя крепость". И еще фразеологизм – "*нам не страшен серый волк*". Можно спрятаться под навес от дождя, закрыться капюшоном от ветра, оказаться на защищенной от чего угодно территории, и фраза "*нам не страшен серый волк*" также, как "*мой дом – моя крепость*", будет понятна ребенку. Эти фразы имеют широкий ситуативно-тематический диапазон. Для русскоязычных детей

диаспоры важно не только понимание смысла, но и умение употреблять выражения в разных ситуациях, передавать с их помощью чувство уверенности, защищенности, независимости.

Фольклорные образы и понятия (английских, немецких и русских сказок) закладывают фундамент языковой картины мира. Мы выносим из нашего раннего детства представление о том, что хороший дом – это прежде всего дом добротный, защищенный, гостеприимный, теплый, уютный, в котором тебя окружают близкие люди.

"Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление "дома" (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства), антидому... В поэзии Пушкина второй половины 1820-х – 1830-х гг. тема Дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и "самостояньи человека". [10]

Культурологический подход к теме "Дом" и обращение к прецедентному тексту - "Сказке о рыбаке и рыбке" Пушкина помогает приобщить русскоговорящих детей к огромному мифологическому пласту народной культуры.

Тема "Дом" важна в любом курсе обучения русскому языку – и как иностранному, и как неродному, и как *родному в диаспоре*. Хорошо известный теперь русский фразеологизм имеет широкий ситуативно - тематический контекст. Он может быть использован в разных ситуациях как итог поведения человека эгоистичного, излишне переборчивого, капризного. Его должны освоить учащиеся, пользоваться им в разных ситуациях и понять вместо долгих разъяснений, если кто-то скажет об итоге чьих-то действий, что тот остался у разбитого корыта.

В диаспоре "Сказка о рыбаке и рыбке" звучит и мыслится иначе. У неё выявляются другие культурные акценты. Прецедентная фраза и прецедентная ситуация не закреплены за языковым сознанием, и работа над сказкой идет в двух направлениях: в сторону прецедентного феномена (фразы, ситуации) и в сторону раскрытия смысла, связанного с концептом *дом*.

В русской классической литературе концепт *дом* особенно основательно разработан в творчестве Л.Н. Толстова. Не только у Толстова, и у Тургенева, и у Гончарова в описании имения как типа русского дворянского дома, жизни поместья и мироощущения его обитателей, включая, конечно, и прислугу, и крестьянство, роль которых в обустройстве помещичьего дома настолько значительна, что без них этого дома не было бы вовсе. **Мир** у Толстова – это дом, семейный уклад. **Война** – трагедия утраты дома, семьи, ее устоев, традиций, семейных

связей. И даже то, что мы узнаем о жизни в Ясной поляне, имени самого графа Толстова, заботы, искания, психологическая и моральная драма его хозяина – все это личное дополняет и расширяет русскую концептосферу **дом**.

Но она будет неполной, если не включить в нее ее антипод – **бездомье**, которое так остро сказалось в поэзии М.Ю.Лермонтова, в его мироощущении одиночества ("один", "одинок" – ключевые слова поэтического самовыражения Лермонтова: "белеет парус **одинокий**"; "выхожу **один** я на дорогу"; "на севере диком стоит **одинок**..."), бесприютности на земле – поэт более дома во вселенских просторах, где "торжественно и чудно", где можно услышать, как "звезда с звездой говорит", и где совершают свое движение "тучки небесные", такие же "вечные странники", как и он сам. Его "странная любовь" к отчизне не нарушает состояния одиночества. Он ощущает себя более чем бездомным, он ощущает себя "изгнанником" и, "вздыхая о ночлеге", не приближается к селениям. Кажется, никто не наделил русское языковое сознание столь беспросветным и одновременно романтическим чувством одиночества, как Лермонтов. Его личная судьба только усиливает трагическую тональность его поэзии. Семиотическое пространство обитания в лирике Лермонтова, – это "**антидом**", расширенный до беспредельных границ мироздания, откуда все земные хлопоты, чувства, желания мелки, временны и "не стоят труда". В русскую языковую картину мира впечатываются настроения печали, бесприютности, бездомья, и вместе с ними способность выразить свое собственное созвучное настроение лермонтовскими словами и фразами, ставшими своими, присвоенными в процессе освоения концепта **дом - антидом**. Так мироощущение Лермонтова через его поэзию формирует эмоциональную сторону русского национального сознания.

Дорога – часть русской концептосферы **дом-антидом** – это, в некотором роде, творение Гоголя. Он дает ощущение движения, дает и разнообразные "дорожные средства": бричка, коляска, тарантас, и, конечно, "птица-тройка", и понеслась она по ухабам, по российскому бездорожью, по которому лучше лететь "над", чем ехать по дороге, и раскинулась Русь по обеим сторонам дороги, сама как бесконечная дорога, – тоже "**антидом**", но с иным смыслом – как загадка – что там впереди? ("*Русь, куда ж несешься ты, дай ответ?*"), как заманка, как будто движение вперед, дорога – это неперемное условие обретения дома, но уже дома по имени Россия. Так раздвигает Гоголь русское семиотическое пространство единого концепта **дом – антидом – дорога**. У Лермонтова сюжет дороги тоже

встречается, но это его личные пути-дороги, его бездомье. У Гоголя дорога – это тракт через всю Россию, дороги дальние, дороги ближние – *дорожная идея*.

Огромна роль русской литературы XIX века в складывании русского художественного мышления. Мировая литература вносит свой вклад в формирование концептосферы *дом*. "Одиссея" Гомера, "Божественная комедия" Данте, с детства любимый "Робинзон Крузо" Дефо и другие произведения, создавшие "образы культуры" (В.Библер), участвуют в построении модели культурного сознания. Не перечислить всех влияний на формирование наших представлений о доме, но роль текстов национальной литературы для русского языкового сознания первостепенна.

Концепт *дом*, сохраняя свою триединую культурологическую сущность, определился как национальная культурная целостность, распахнулся до семиотического пространства *отчизна, родина, Россия*. Так структурируется концепт, превращаясь в "сгусток культуры", втягивая в себя быт и бытие, высокое и низкое, историческое и социальное, психологическое и чувственно особенное, в веках и эпохах создавая национальное семиотическое пространство, и по мере того, как читатель набирается семиотического опыта, он приобщается к тому концептуальному пространству, которое образует русская классическая литература.

Пушкин воплотил в поэтическое слово все три составляющие: *дом, бездомье и дорогу*. Но это программа для будущих занятий, цель которых – *сохранение родного языка в диаспоре*. "Сказка о рыбаке и рыбке" – только начало работы.

Литература:

1. Библер В.С. О логической ответственности за понятие "диалог культур".

В кн.: На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. Русское феноменологическое общество. Москва, 1997. С. 218.

2. Гудков Д.В. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Издательство Московского университета, 2000, С.98-99.

3. Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. Москва, "Русский язык", 1992.

4. Колчинская Е.В. "Интенсив": цель или средство?. В сб.: 33 ответа на 33 вопроса. Издательство Московского университета, 1993.

5. Колчинская Е.В. К проблеме сохранения русского языка в Израиле: культурологический подход. В сб.: Русский язык в

диаспоре: проблемы сохранения и преподавания. Москва, Издательство "Наука". Издательство "Флинта", 2002.

6. Колчинская Е.В. Родной язык в диаспоре: возможности и перспективы его сохранения. В сб.: Интенсивное обучение иностранным языкам. Москва, Научно-образовательный центр "Школа Китайгородской", 2004.

7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. Языки русской культуры. Москва, 1996, С.21-22.

8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 164.

9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С.165.

10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 264-265.

11. Мокиенко В.М, Сидоренко К.П. Словарь кратких крылатых выражений Пушкина. Издательство СПб ГУ; Фолио-Пресс, 1999.

12. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Издательство "Советский писатель", 1987.

13. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. Москва. Издательство "Наука", 1976, С. 47.

14. Пушкин А.С. Сказка о рыбаке и рыбке. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издательство АН СССР. Москва – Ленинград, 1949, Т. 4.